

Леонид

1984 116

ЛИТЕРАТУРНАЯ ГАЗЕТА

30 мая 1984 года ♦ № 22 (4984)

УРОКИ ЛЕОНИДА ЛЕОНОВА

ОКОНЧАНИЕ. НАЧАЛО НА 1-й СТР.

Через двадцать минут всемирно известный писатель и его молодой гость, до того чувствовавший себя в присутствии Горького подмастерьем в коротеньких штанишках, разговаривали так, будто знали друг друга всю жизнь и их не разделяла разница возрастов. Поднимая за обеденным столом у Горького бокал, молодой писатель шутил:

— Говорят: научен горьким опытом, а я говорю: научен Горьким опыту...

Проводив через три недели автора «Барсуков» и «Вора» в Москву, Горький сообщал одному из своих старых друзей: «Леонов — замечательно и весьма по-русски талантлив; он, несомненно, способен написать потрясающие вещи, и вообще он «страшно русский» художник».

Это было сказано после прочтения романа «Вор», восхитившего писателя и смелостью содержания, и затаенностью композиции, и языковыми богатствами.

**«...Замечательно
и весьма по-русски
талантлив»**

С этих пор Горький до конца жизни

В УНИВЕРСИТЕТЕ в городе Регенсбурге студенты спросили меня, что я думаю о Леониде Леонове и какие писательские и человеческие качества его считаю главными. Я мог бы отослать слушателей к своей пространной статье о Леониде Леонове, написанной пятнадцать лет назад для «Литературной газеты», где попытался тогда сформулировать свое отношение к этому писателю, но статьи не было у нас под руками, и я ответил приблизительно следующее, не боясь кое-что и повторить из той статьи—если не буквально, то по существу дела.

Однажды, теперь уж самого Леонова и тоже за границей, спросили, кого он мог бы выделить из современных, более молодых собратьев по перу. Леонов назвал два наиболее интересных ему имени, но, помолчав, добавил: «Впрочем, писать они оба не умеют».

Конечно, была тут доля парадоксальности, заострения, а возможно, и шутки, но надо знать, как пишет сам Леонов, чтобы понять этот ответ. Присмотритесь к большей части современной прозы, к рассказам, повестям и даже романам, и вы, если ваш взгляд будет к этому подготовлен, увидите, что сплошь и рядом современный нам писатель не пишет рассказ, повесть и даже роман, но как бы лишь пересказывает его содержание. Можно размахистой кистью на холсте (и пожизне развести краски) набросать содержание картины, но подлинный живописец должен проработать каждый сантиметр своего холста. Леонов сравнивает: вот вам надо в

ВЛ. СОЛОУХИН

ТАЛАНТ, ВОЗВРАЩЕННЫЙ НАРОДУ

натуральную величину вышить Красную площадь. Сначала надо расчертить полотно, где чему быть: где Историческому музею, где быть Кремлевской стене, где Василию Блаженному. Можно даже и красками обозначить эскиз, чтобы знать уж, где какого цвета класть бисер. Можно на этом и остановиться. Представление о Красной площади зритель получит. Но нет. Надо становиться на колени и сантиметрик за сантиметриком в натуральную величину вышивать бисером Красную площадь. Вот что такое написать роман.

Проза Леонова—это не нечто наговоренное на магнитофон (было бы содержание!) и даже не отстуканное на ма-

шинке. Проза Леонова — это всегда ручная работа и в буквальном, и в более широком смысле этого слова. Он говорит так: «Выносит художник свой серебряный, вручную отчеканенный тяжелый рубль на читательский базар, а там грудями ходят отштампованные алюминевые рубли. И в той же цене по винушению установителей цен».

Вот почему за точностью, за потрясающей художественной точностью, можно обращаться практически на любую страницу любого леоновского романа. «Я переписываю страницу до тех пор, пока на ней не останется ни одной помарки. Я работаю строго». Тоже ведь парадокс. Воля-то ведь автора. Можно сразу переписать страницу так, чтобы на ней не было ни одной помарки. Нет, у мастера без помарок не получается.

«Истинное произведение искусства, — учит Леонов, — произведение слова — в особенности, есть всегда изобретение по форме и открытие по содержанию, а на это требуется время. В отличие от тыквы, за один сезон достигающей похвальных результатов (а мало ли «тыквенных» романов у нас? — В. С.), произведение словесного искусства вырабатывается как плодородное дерево. Подобно любви, оно начинается с робкого предчувствия, с семечка в душевной борозде. И потом надо долго питать его соками души, бережно холить молодую крону, однако, — с безжалостной прорезкой загущений и в постоянной тревоге за урожай, столь ненадежный в нашем суровом, континентальном климате...».

Но каким же мастерством ни обладал художник, рано или поздно будет спрошено: а о чем он говорит, зачем, что защищает и против чего воюет? Ради чего все его мастерство, вся его техника, все его в конечном счете искусство?

Гражданский темперамент Леонида Леонова, который сопутствует ему на протяжении всей жизни, очевиден. Он и в любом романе писателя, и в его страстных, пламенных публицистических выступлениях, будь то в защиту родного языка, будь то в защиту родной природы, будь то — конкретно — в защиту, скажем, Байкала, а то и простого родника в лесном овраге. Со всей его неискраемостью и чистотой. То и дело, говоря о том, что защищает Леонид Леонов, мы сталкиваемся с грамматическим корнем «род». «Родной язык, родная природа...». Но ведь если выстроить тут цепочку, то будет: род, родник, родня, родина, родиться, народиться, народ... Вот и получается, что все свое мастерство, весь свой талант на протяжении всей своей жизни (а ведь именно про него сказал Горький, что он талантлив на всю жизнь) Леонид Леонов отдавал и Родине и народу. А вернее сказать, возвращает народу. И только народ со всей его многовековой культурой порождает и вскармливает таких своих защитников, такие, словами Леонова же говоря, «твердые духа», к каковым относится в ряду немногих других и он сам.

ЭТО БЫЛО незадолго до Первого Всесоюзного съезда писателей. Прошло более полувека, а память до сих пор хранит мельчайшие подробности давней встречи. Меня, еще молодого тогда грузинского писателя, вместе с несколькими сверстниками пригласили к Леониду Леонову. Разница между нами в годах была сравнительно небольшая, но Леонид Максимович уже тогда был для нас «классиком» — полноправным представителем большой русской прозы, достойным продолжателем ее лучших традиций. И вот совершенно неожиданно представился случай с ним встретиться, беседовать, говорить о литературе, и не в официальной обстановке, за столом заседаний, даже не в московской его квартире, а на подмосковной даче. Вместе с Леоновым нас принимали К. Федин и Н. Тихонов. Так что мы, молодые писатели, встретились с теми людьми, кто вместе с Горьким стоял у колыбели Союза писателей СССР, у колыбели многонациональной советской литературы.

Не стану сейчас, полагаясь на память, реконструировать детали беседы, но не могу не сказать о главном — о том серьезном, требовательном, предельно объективном тоне, который был характерен для всех суждений старших мастеров о литературе, коллегах-писателях, новых произведениях.

К. ЛОРДКИПАНИДЗЕ

ШКОЛА МАСТЕРА

И еще одно: подчеркнутое равенство, уважение в диалогах с нами, более молодыми. Леонову всегда чуждо было снисходительное отношение, сюсюканье, которое порой считается обязательным при разговоре с младшими. Нет, его суждения оставались объективными, оценки строгими, требования высокими, независимо от того, о ком шла речь — о молодом или маститом. Его беседы, весь дух отношений к молодежи поднимали нашу литературу на ту высоту, которая обеспечивала ей самые передовые позиции в мире. Таков был первый урок, преподанный нам мастером.

Мне затем не раз приходилось встречаться с Леонидом Максимовичем в Москве и у нас в Грузии, на официальных мероприятиях и в дружеской обстановке. При всем том я не могу утверждать, что был учеником Леонова в том смысле, как это могут сказать ученики его семинара в Литературном институте. Он сам всегда с особой подчеркнутой щепетильностью относился к творческой индивидуальности других писателей, даже младших по возрасту и литературному опыту, особенно если они были предателями иной национальной традиции. Именно поэтому, наверное, среди его учеников нет «второго Леонова», но есть писатели, которые сегодня составляют славу нашей литературы.

И все же я, как и всякий советский литератор, смело могу сказать, что прошел

Фото А. КАРЗАНОВА

да Леоноза из поля своего зрения. Его радует и то, что развитие писателя идет «прыжками», и то, что писатель знает действительность так, словно сам ее делал, и то, что жизнь не копируется в его творчестве, реализм не стесняет художественного вымысла.

Возможно, лучшей из всех весен в жизни и Горького, и Леонида Леоноза была соррентийская весна 1931 года. Они чувствовали взаимную влюбленность, делились самыми сокровенными замыслами. Однажды вечером Горький сказал:

— А может быть такой случай. В сенский, ненастный вечер писатель Фирсов бредет по городу и у пивнушки неожиданно встречает своего романтического героя. Остановились. Заговорили: «Это ты?» — «Что ты?» — «Пойдем по-сидим?» — «Пойдем». Спустились в пивнушку и проговорили до рассвета, обсудили все. А на рассвете писатель уложил своего героя на месте, ударив его по голове пивной кружкой. Д-с... История...

Так было посеяно зерно, из которого десятилетия спустя вырастет вторая редакция романа «Вор» — результат не только недовольства сделанным, но и сознания высочайшей ответственности писателя за свое слово.

— Понимаете, какая штука, — рассказывал мне Леонид Леонов, — я наивно забыл эти его слова. Когда взялся писать «Вора», то думал: месяца, и все будет закончено. Но потом развил все и просидел над сборкой полтора года. Закончив работу, вспомнил свой разговор с Горьким, как будто он произошел только вчера.

Тогда же Леонид Леонов развернул перед Горьким во всю ширь замысел своего романа о коммунистическом Дон Кихоте «Дорога на океан», графически изобразил его существо, вызвав на глазах у Горького слезы. Великий писатель в порыве нежности сказал своему молодому другу фразу, которая будет поддерживать автора «Русского леса» всю последующую жизнь.

Из сказанного не следует заключать, будто Горький и Леонов не спорили между собой, видели все в мире одинаково. Как-то Горький, мотнув головой вперед и вверх, спросил: «Что это вы, Леонид, и ваши герои все время заглядывают туда?» На что последовал ответ: «Но если, Алексей Максимович, не заглядывать туда, то человек вряд ли будет звучать гордо!»

В недавней беседе с пишущим эти строки Леонид Леонов сказал о Горьком:

— Это был очень большой человек. Он первым обратил на меня внимание, прислал доброе письмо и вообще высоко обо мне отзывался. Но я никогда не обольщался похвалами. Даже после того, как «Вор» получил сертификат, абсолютный сертификат Горького, был положительно оценен С. Цвейгом, Р. Ролланом, я роман переделал...

Творческая одержимость, далекая от каких-либо самообольщений, позволила Леониду Леонову сделать нозы шаг в развитии реализма «высшей точности», превратив его в реализм глобального мышления, реализм, проникающий в запредельные глубины жизни, исследующий, осмысливающий мир на всем протяжении его исторического марша, реализм прогнозирующий.

СВЫШЕ трех десятилетий отделяют нас от памятного времени, когда появился на свет леоновский «Русский лес». Образы, картины, метафоры, афоризмы, сложность и красота мира, противоборство идей, противостояние героев — словом, разнообразные представления, навеянные романом, укоренились в нашем сознании, и мы теперь с трудом можем поверить, что некогда мы не знали Ивана Вихрова, идущего по жизни своим лесом, спокойно и несуетно совершающего — в стороне от ярмарки тщеславия и корысти — научный и жизненный подвиг... Неужели была пора, когда мы еще не проходили с оробевшей от счастья Полей по довоенным московским улицам? Не встречались в лесной чащобе с эпическим Калиной, учившим нас узнавать по росам погоду, а урожай по корешкам лесных трав, знавшего тайную грамоту леса, в которой скопился тысячелетний опыт народа? Не видели ближние леса за Енгой, поля с необранными кое-где крестами снопов, клина журавлей с чуть оторвавшейся точкой, вожаком, впереди? Неужели все это не было сизмальства нашим читательским достоянием? Прочитанный и перечитанный, роман стал для нас, читателей, кладом мыслей, образцом того, как важна расстановка и значение слов, их окраска; ведь мысли (пользуюсь леоновским выражением) — индуктивный ток, на который «намотаны» куски речи.

Ныне «Русский лес» существует в читательском сознании, как книги века — автобиографическая трилогия Максима Горького с ее трогательным и прекрасным образом бабушки, как «Тихий Дон», как «Теркин» Александра Твардовского, как песенная лирика Михаила Исаковского... Искусство острых социальных проблем и глубокой философской насыщенности стало всеобщим достоянием, и теперь без леоновского «Русского леса» жизнь непредставима, как без других насущных духовных благ, дарованных нам двадцатым столетием. Леонову невозможно подражать, но многое в современной цивилизации возросло в силовом поле леоновских книг — в литературе, музыке, живописи. Опыт романиста, растворяясь, насыщает духовную атмосферу времени, увеличивая бронированную силу искусства, внушающего нам — каждый ныне обязан быть верным солдатом мира, если не хочет быть жертвой новой войны. В «Русском лесу» мы постоянно ощущаем противостояние мира войне как центральную художественную идею произведения. Вспомним памятный эпизод. В конце романа Иван Вихров после всего пережитого, испытанного приходит к родничку на дне оврага, спрятанному в лесных завалах, сплетающему струйки бессонной воды — поток веселого, пенного, мудрого вещества. К нему и обращается Иван Вихров, как к доброму и вечному, жаждая «навестить и отчитаться». Поступок героя, посетившего вновь бывшее Калиново царство, соответствует леоновскому представлению о том, что книга — отчет о пройденном пути и, следовательно, наметка завтрашних маршрутов человечества.

Каковы истоки «Русского леса»? Огромный, можно сказать, всенародный отклик, полнота, имела статья Леонида Леоноза «В защиту друга», появившаяся в газете «Известия» в 1947 году. Собственно, в ней говорилось о деревьях в городе, о судьбе зеленых насаждений в больших центрах. На эту тему даже и

К 85-летию со дня рождения

тогда в первые послевоенные годы, писали нередко. Леонов же увидел происходящее в целостности, отметил, что пора всю систему воспитания — от буваря до вузовской снаники — прогнать действенной, хозяйской прищипкой к Родине и ее природе. «Надо сказать, что всеуслышанье и по возможности басом, — говорилось в статье, — что дерево в городе — не полено с листьями и не силומר для разгула сего стержнеца. При нынешней скученности населения и задымленности промышленных центров весь жилой селеный инвентарь города есть громадный озонатор, гигиенический фильтр-уловитель из воздуха... Мы ставим этот во-

Евгений ОСЕТРОВ

НАД СТРАНИЦАМИ «РУССКОГО ЛЕСА»

прос на всенародное вече... Кто просит слова, товарищи? Люди старшего поколения, мы все прекрасно знаем, что именно тогда по всей стране началось движение в защиту Зеленого друга. Ныне вопрос об охране окружающей природной среды — один из важнейших во всем мире. Как говорится, «с мала клочка» все началось. Вспомним жаростные и в общем-то плодотворные споры о сибирском кедре, Байкале, северных реках... В свое время леоновское выступление породило и несогласие — далеко не все хозяйственники, привыкшие рубить бун на Карпатах и возить его для топки в Сибирь, аплодировали публицисту. Даже появился в быту окрик-осуждение: «Леонид, пойд, начитай!» Но сказанное, прорисованное в полный голос слово стало делом. Не всегда — будем глядеть правде в глаза — удавалось своевременно и везде прийти на помощь Зеленому другу. Поныне хранится почта, бесценная сама по себе, — письма, полученные писателем со всех концов страны. Настоячиво и терпеливо внушал Леонов, обращаясь к читателям, что думы о зелени — думы о будущем, что все, чему радуется наш глаз, есть громадная копилка предков, что преемственность — основа прогресса, ибо даже создание простого железного гвоздя потребовало кропотливой работы сменявшихся поколений.

Статья в газете была предвещанием, точнее — желанием, из которого вырос «Русский лес». Я бы не хотел упрощать происшедшее. Но ведь и «Дон Кихот» начинался как пародия на рыцарские романы. Сам «Теркин» в первых фронтальных публикациях выглядел, как стихотворный фельетон в газете. Леонов шел и «Русскому лесу» всю жизнь. Художник напряженно искал философскую подоплеку, которая затем органично вошла в художественную ткань романа. Леонов постоянно учит, что для мыслящего человека нет дорожки слова отчужденно, обозначающего отчий дом, где он явился на свет, где услышал первое слово материнской ласки и по которому впервые пошел его босыми ногами.

Сила патриотизма, не раз говорил Леонов, всегда пропорциональна количеству вложенного в нее личного труда, ибо бродягам и тунельцам всегда было чуждо чувство родины. Однозначно писатель раздумывает над jugando

проблемами современности, понимая, что человечество движется вперед как бы с минорной шаге, которая есть расовый, национальный, сословный и личный эгоизм. Очень бы хотелось верить, говорит Леонид Максимович, в наступление эпохи, когда люди и нация будут приходить на помощь соседям, иначе нам просто несдобровать на этом летучем и вот уже тесноватой шарике.

Идут годы, а роман продолжает жить интенсивной жизнью, открываясь для читательского постижения с разных сторон. Долгое время спорили о лесных делах (в этом была, да и остается необходимость), подходы к ним с практической меркой. Вспомним то, что говорил один из персонажей «Русского леса», горевавший о том, что сняли зеленую одежду с трех великих рек: «К тому я и веду,

что прозябнет земля без своей зеленой шубеи и здоровышко станет у ей шибко колебательное. Будет коровка по семи верст за травинкой ходить, а раньше с аршина наедалась. И будет вам лето без тучек, иная зимница без снегов... и поклянут люди свое солнышко! И захотится в баньке веничком похлестаться, а нету. А случится вам сказывать, как на бывало-ных-то пнях человек враспашку ложился, и внучки вам не поверят».

В наши дни исследователи, пожалуй, больше спорят о философско-социальном наполнении образов, о том, как соотносится творчество Леоноза с произведениями таких прозаиков, как Юрий Бондарев, Василий Белов, Валентин Распутин, Виктор Астафьев...

СОЗДАВАЯ живописные и психологически точные характеры, писатель одновременно рисовал в романе образы-символы, вобравшие в себя многолетние раздумья и помыслы, что отвечало его сокровенному желанию — художественная литература не должна быть только беллетристкой, становясь одним из самых важных орудий в деле ваияния нового человека. В «Русском лесу» создан обобщающий образ, символизирующий Россию.

К Родине обращается писатель со словами благодарной нежности. Мы видим малое и великое, трагическое и счастливое, подлость и благородство. Рядом с Иваном Вихровым — крестьянский ребенок с душой незамутненной, как вода в лесном роднике. Перед нами портреты образы тех, кто сокрушил врага в тяжелую годину Великой Отечественной войны. Под его пером проникновенно заговорили герои войны — философы, размышлявшие в канун смертного испытания о

жизни и смерти, об исторических путях, предугаданных действительностью. Автор так строит содержательность формы произведения, рисуя развитие действия, что читатель попадает то в лесную пустошь, где живут обитатели языческих времен, то в избу мужика или дворянскую усадьбу дореволюционной поры, то в кухмистерскую в Питере, то в предвоенную Москву, то на передний край обороны.

Реалистическая, бытовая достоверность действия соседствует с условным временем, с образами-символами, дающими нам возможность читать «Русский лес» так, как мы, скажем, читаем Гоголя и Достоевского, постигая многозначность слова и образов. Поразительна красота леоновских лирических отступлений, заставляющих вспомнить тургеневские стихотворения в прозе: «Шелест палых листьев под ногами заменял беседу с другом. «И мы, и мы были частицей мира, — шептали они, обгоняя друг дружку, влача по земле. — Вот, насладись, мы уходим без сожаления, довольные и навсегда...» Наступала пора, когда лес последовательно пахнет грибом, ладаном и, наконец, жавелем хорошо замороженного снежка».

ГЕНИАЛЬНАЯ противоборствующая пара «Русского леса» — Вихров и Грацианский, обнажающая сердцевину сюжета, показывающая противоречия современности в наиболее сконцентрированном виде. Но перед нами не просто столкновение добра и зла, света и тьмы, простодушия и коварства. В критике довольно-таки распространено сравнение Грацианского со Смердяковым, с его лакейской душой и мешанскими замашками. Но все-таки едва ли можно сказать, что Грацианский только жалкий потомок человека-наветника из «Братьев Карамазовых». Все обстоит сложнее, ибо неизвестно изменились времена. С анатомической точностью вскрывает романтизм приемы, которыми действует Грацианский: «...он раскрыл на пробу прямодушную вихровскую книгу, отыскал корень зла, поддел под него базу, прикинул в перспективе, подрисовал недостающее, якобы сознательно затуманенное автором, изложил все это с надлежащей эмоциональной приправкой — и получилась такая востренькая штука, вроде путевки на виселицу». Под стать Грацианскому и его группке и другие «вертодокси»: «Подобие шквала пронеслось по собранию... — Не скандальте на гражданской панихиде... — полусобернувшись, огрызнулся Чик, и в этом месте что-то дрогнуло в голосе Александра Яковлевича, как это бывает у взор при первом ударе молотка по гробовой крышке».

— Вот мы зовем тебя в тысячу голов, Иван, но ты не откликаешься. С великой болью мы разоидемся отсюда, чтобы беззаветным трудом возместить так и не озвоненный тобою ущерб от твоих писаний. Но я бросаю эту горсть земли в твою преждевременную могилу...

Те, кто сидел поближе, видели даже слезу у Александра Яковлевича, довольно крупного размера и, видимо из-за освещения, желтоватого цвета, когда он спускался с трибуны... Можно сказать, что здесь каждое слово оттискивает печать в нашем сознании.

школу Леоноза — школу «Сотии» и «Скутаревского», «Вора» и «Золотой кареты». Есть у Леонида Леоноза повесть «Evgenia Ivanovna», действие которой происходит в Грузии. Наверное, всем запомнилось там описание такого необычного, неповторимого в своей национальной сути явления, как народный праздник «Алавердоба». Мне самому пришло в голову воссоздавать картину этого праздника. Писали о нем и другие грузинские литераторы. Но то, что написано Леоновым, не может не удивить точностью взгляда, вниманием к мельчайшим штрихам необычного зрелища, проникновением в психологию и его непосредственных участников, и тех, кто, как и сам автор, впервые видел его.

Таких уроков Леоноза можно перечислить множество. Я отношу к их числу еще один, может быть, не имеющий непосредственного отношения к литературным делам, но, на мой взгляд, характерный для Леоноза — человека и писателя. Леонид Максимович давно выращивает в своем саду на даче деревья и цветы, собранные из разных уголков нашей страны и всего мира. Я узнал, что несколько лет назад он обратился к своим грузинским друзьям с просьбой прислать ему два чайных кустика. Это, на мой взгляд, не просто любопытство садовода-любителя, а свидетельство широты интересов этого замечательного человека. Надеюсь, что эти непривычные для подмосковной флоры подарки Грузии прижились в леоновском саду, напоминая ему о крае, где у него столько друзей и почитателей.

Юбилей Леонида Леоноза — это праздник всей многонациональной советской литературы. А юбилей советской литературы, который мы скоро будем отмечать, — это праздник Леонида Леоноза.

МАСТЕРСТВО композиции «Русского леса», редкостное само по себе, отступает, на мой взгляд, на второй план перед волшебством языка романа. Да, книги Леоноза нельзя читать бегом, между двумя троллейбусными остановками. Чтение — это работа. Читатель создает свой вариант произведения. Писатель, следуя давнему совету вслушиваться в просторечие, счастливо избег сложна статью собирателем характерных слов, оборотов и редких речений. Недаром еще Максим Горький говорил, что язык Леонида Леоноза анафемски хорош. Из богатейшей кладовой «орнаментальной прозы», расцветшей в десятилетиях — двадцатых годах, Леонов взял лишь затейливое, многоцветное, от души сказанное слово. Отсюда и его афористичность:

«Из всех работающих на нас машин лес — одна из самых долговечных, но и труднее всех поддающихся починке»;

«Не может быть равнодушия в лесных делах: народу нашему жить вечно на этой священной земле»;

«Любой букварь неполноценен без вводной странички о значении и красоте родной природы, леса в том числе; и плох учитель, если не сумел обучить свою паству этой самой действенной и благородной из наук».

«Русский лес» энциклопедически во-брал в себя самое существующее, самое значимое из нашей действительности.

Белинский говорил, что слог — это сам талант, сама мысль, в слове весь человек. Поэтому слог и оригинален, как личность и характер. Для нас язык и стиль леоновского романа — драгоценная сокровищница, к богатствам которой будет обращаться не одно поколение.